

2. Драголи А.Л. Краткий очерк жизни и научной деятельности И.И. Пузанова // И.И. Пузанов. Одесса, 1974. С. 3–10.

3. Пузанов И.И. Очерки Северо-Восточного Судана. Заметки и наблюдения натуралиста // Земледелие. 1912. Т. 19. Кн. 1–2. С. 163–210; Кн. 3–4. С. 113–171; 1913. Т. 20. Кн. 4. С. 95–125; 1914. Т. 21. Кн. 3. С. 37–110.

4. Дьяков В.А. Вклад в науку и образование заслуженного деятеля науки СССР д. биол. н., проф. И.И. Пузанова – воспоминания о некоторых сторонах научной и педагогической деятельности учителя // Материалы наукової конференції. Одесса, 2007. С. 64–80.

5. Пузанов И.И. Большой каньон Крыма // Земледелие. 1925. Т. 27. Вып. 1–2. С. 99–123.

6. Вернадский В.И. Мысли и замечания о Гёте как натуралисте // Избранные труды по истории науки. М., 1981. С. 242–289.

7. Винникова М.А. Штрихи к портрету педагога // Современные проблемы зоологии и экологии. Одесса, 2005. С. 45–46.

8. Пузанов И.И. Медитерранизация фауны Черного моря и перспективы ее усиления // Зоологический журнал. 1967. Т. 46. Вып. 9. С. 1287–1297.

Проблемы истории отечественной генетики в «послелысенковский» период (1965–1985)

С.В. Шалимов

В рамках обозначенной темы предлагается рассмотреть социально-экономические и политико-идеологические факторы развития науки о наследственности. При этом будут выделены три главных аспекта: международные контакты советских генетиков, политико-идеологические коллизии второй половины 1960-х – середины 1980-х гг., а также состояние материально-технической инфраструктуры.

Как известно, в рассматриваемые годы произошли определенные положительные изменения в сравнении с предшествующей эпохой лысенковщины. Тем не менее, в развитии отечественной генетики, начиная со второй половины 1960-х гг., присутствовали две тенденции – негативная и позитивная. С одной стороны, после отставки Н.С. Хрущева в 1964 г. наука о наследственности была «легализована», получив поддержку государственной власти. С другой стороны, наблюдалась непоследовательная и во многом формальная ликвидация лысенковщины, а также усиление политико-идеологического диктата [1, с. 30–31].

Одним из негативных факторов являлось то, что многие сторонники «народного академика» сохранили свои должности как в партийно-государственных структурах, так и в научно-образовательной сфере. Например, в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС при Л.И. Брежневле продолжали работать люди, назначенные Н.С. Хрущевым, продвигавшим только сторонников Т.Д. Лысенко. Характерно, что в 1972 г. именно по рекомендации названного отдела президентом Всесоюзного общества генетиков и селекционеров (ВОГиС) стал лысенковец Н.В. Турбин.

Наряду с этим, лысенковцы по-прежнему занимали важные позиции в области науки и образования. Так, в Ленинграде в легендарном Всесоюзном институте растениеводства им. Н.И. Вавилова во второй половине 1960-х гг. продолжали ра-

ботать люди, принимавшие участие в травле Н.И. Вавилова в начале 1930-х гг. Что касается высшей школы, то здесь наиболее красноречивой была ситуация в Томском государственном университете, который и после низвержения Т.Д. Лысенко сохранил репутацию «гнезда лысенковщины».

Другой отрицательный фактор, влиявший на науку о наследственности, определялся нарастанием консервативно-охранительных и неосталинистских тенденций в официальной политике. Это выразилось в сужении возможностей для критики Т.Д. Лысенко, а также для объективного изложения истории генетики.

В связи с этим, закономерно появление мемуаров академика Н.П. Дубинина «Вечное движение», в которых была сформулирована удобная властям концепция истории советской генетики. Симптоматично, что книга Н.П. Дубинина подвергалась резкой критике уже в момент ее первого издания в 1973 г. По воспоминаниям бывшего ученого секретаря Научного совета по генетике АН СССР академика РАСХН В.А. Драгавцева, сразу после выхода «Вечного движения» состоялся совместный пленум Научного совета по генетике и ВОГиС, осудивший труд Н.П. Дубинина [2, с. 137–138]. Следует подчеркнуть, что искажение истории генетики – самое яркое проявление официальной неосталинистской фальсификации российской истории XX в., поскольку во всех остальных сегментах истории на тему сталинизма вообще было наложено табу.

Если говорить о политико-идеологическом контексте развития науки о наследственности в эти годы, то здесь на первое место вышла дискуссия «природа–воспитание», касающаяся генетики человека. Напомним, обозначенная проблема стала основным объектом противостояния для двух крупнейших советских генетиков – Д.К. Беляева и Н.П. Дубинина. Видимо, в немалой степени оно определялось борьбой за лидерство, хотя, вместе с тем, присутствовала и идеологическая составляющая данного конфликта.

Важным достижением начиная со второй половины 1960-х гг. стало расширение международных контактов советских генетиков. Значимым событием в этой сфере явился XIV Международный генетический конгресс 1978 г. в Москве, который воспринимался как заметный симптом возрождения в СССР «опальной» науки. Показательно, что в организации и проведении конгресса ключевую роль сыграли новосибирские генетики под руководством академика Д.К. Беляева.

Вместе с тем, анализируя XIV Международный генетический конгресс и его значение для отечественной биологической науки, отметим еще один нюанс. Несмотря на внешний успех, подчеркиваемый советской пропагандой, участие отечественных генетиков в последующих конгрессах резко пошло на спад [3, с. 21].

Как вспоминал известный генетик, член-корреспондент РАН И.А. Захаров-Гезехус, во второй половине 1960-х гг. за рубежом был большой интерес к советским генетикам. Это было вызвано уважением к крупным ученым, получившим широкую известность еще в довоенное время, и стремлением выяснить, как они пережили гонения. Однако в дальнейшем представители «старой гвардии» генетиков уходили, а у зарубежных исследователей накапливалось раздражение на сложность общения с их советскими коллегами. Например, одним из таких негативных факторов были отказы в праве выезда советским генетикам, несмотря на приглашения из-за рубежа. Постепенно интерес иностранных ученых к генетическим исследованиям в СССР стал ослабевать [4].

Последствия сложившейся ситуации иллюстрирует отчет старшего научного сотрудника Института цитологии и генетики СО АН СССР, доктора биологических

наук А.Д. Груздева о поездке в 1985 г. в Швейцарию: «Поражает полная неосведомленность зарубежных ученых о достижениях советской науки и образе жизни в нашей стране. Для обеспечения контактов, а также высоких темпов развития науки в СССР желательно не только более активное участие наших ученых в международных совещаниях, но и долгосрочные стажировки молодых советских ученых в передовых лабораториях Запада. Целесообразно резко увеличить число статей советских авторов, публикуемых за рубежом» [5].

Другим ключевым аспектом развития науки является состояние материально-технической инфраструктуры. Еще в 1969 г. Д.К. Беляев сделал доклад на специальном заседании Академии наук, посвященном состоянию и дальнейшим перспективам развития генетики в СССР. В своем выступлении он отметил, что недостатки материально-технического обеспечения создавали значительные трудности для развития отечественной генетики и для ее выхода на новые рубежи в мировой науке.

Тем не менее, коренных изменений не произошло. В данном контексте показательно положение крупнейшего генетического центра страны – Института цитологии и генетики СО АН СССР. Согласно архивным документам, институт испытывал серьезные трудности в материально-техническом обеспечении: дефицит реактивов, необходимых для исследований, приборов и оборудования, недостаток производственных площадей.

Говоря о материально-технической составляющей, сошлемся на протокол заседания Бюро Отделения общей биологии АН СССР от 19 ноября 1986 г. На рассматриваемом заседании состоялось обсуждение прогноза «О состоянии и развитии фундаментальных исследований по генетике, генетическим методам селекции на двенадцатую пятилетку и на перспективу до 2000 года». В докладе по этому вопросу члена-корреспондента АН СССР В.А. Струнникова отмечалось: «...следует принять эффективные и срочные меры по производству современного оборудования и реактивов в СССР, сократить сроки поставок оборудования и реактивов по заявкам с двух лет до нескольких месяцев...» Также В.А. Струнников упомянул о проблемах финансирования научных исследований, о тяжелой ситуации с кадрами.

В целом, приводимый документ дает комплексную картину состояния генетических исследований в стране к концу рассматриваемого периода. В частности, в докладе сообщалось: «...несмотря на некоторые успехи в области исследований по генетике, все же исследования наши в последнее время заметно отстают от уровня зарубежных работ в этой области» [6].

Таким образом, в сравнении с предшествующим периодом условия для развития науки о наследственности стали более благоприятными. Расширились международные контакты советских ученых-генетиков. Заметной вехой в преодолении международной изоляции явился XIV Международный генетический конгресс. Вместе с тем, железный занавес, трудности с получением командировок советскими учеными, ухудшение международной обстановки и языковой барьер существенно тормозили развитие зарубежных контактов. Политико-идеологический контекст генетических исследований изменился в лучшую сторону, но, тем не менее, деструктивное влияние оказывали политико-идеологические факторы застоя, проявлявшиеся в усилении идеологизации науки. Давали о себе знать рецидивы лысенковщины, что особенно ярко проявлялось в фактическом запрете на критику Т.Д. Лысенко, отсутствии объективной истории генетики. Другим негативным фактором было недостаточное материально-техническое обеспечение исследова-

ний. Экономическое положение страны, погружавшейся в застой, не позволяло снабдить ученых всем необходимым и решить их социально-бытовые проблемы. Хотя в рассматриваемые годы и произошли положительные изменения в развитии генетики в СССР, однако обозначенные трудности не позволили в полной мере преодолеть наследие лысенковщины.

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 12-33-01295.

Литература

1. Шалимов С.В. Развитие генетики в Новосибирском научном центре во второй половине 1960-х гг.: социально-исторический аспект // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 1. С. 16–32.
2. Драгавцев В.А. Новосибирские генетики и история генетики: размышления над книгой С.В. Шалимова «“Спасение и возрождение”»: Исторический очерк развития генетики в Новосибирском научном центре в годы “оттепели” // Историко-биологические исследования. 2011. Т. 3. № 4. С. 136–138.
3. Конашев М.Б. Международные генетические конгрессы и советские генетики // Историко-биологические исследования. 2010. Т. 2. № 2. С. 9–24.
4. Личный архив автора. Интервью с чл.-корр. РАН, д-ром биол. наук, проф. И.А. Захаровым-Гезехусом от 8 ноября 2012 г.
5. Научный архив СО РАН. Ф. 50. Оп. 1. Д. 384. Л. 80.
6. Архив РАН. Ф. 1677. Оп. 1. Д. 232. Л. 2.